

мы почти лишены исторических свидетельств — русских источников об отдельных конкретных моментах в истории сношений древней Руси с Византией. „Повесть временных лет“ уделяет, правда, значительное место русско-византийским отношениям до крещения Владимира, но с того времени, как заимствованное из Византии христианство стало господствующей религией на Руси и русско-византийские отношения стали более тесными, русская летопись очень редко упоминает о Византии. Случайные указания на приход „из Грек“ митрополита, на вызов оттуда мастеров, на рождение в княжеской семье сына от царицы „грчкини“ и т. п. — все это представляет чрезвычайно скудный материал для восстановления картины тех непрерывных связей, которые проявлялись в постоянных сношениях русских князей с византийским двором, в политических браках, в общении русской митрополии с константинопольским патриархатом, в регулярном товарообмене, осуществлявшемся ежегодными путешествиями в Византию русских торговых караванов, наконец, как уже выше было сказано, в культурных взаимоотношениях, свидетельством которых являются многочисленные художественные и литературные источники древней Руси. Скудость известий этого рода характерна не только для летописей, но и для памятников агнографии и для актового материала, который, к тому же, для периода, предшествовавшего монголо-татарскому нашествию, почти не сохранился. Те же из уцелевших актов, которые являются наиболее важными, носят следы последующих наслоений, и вопрос об их подлинности является до настоящего времени одним из сложных вопросов нашей историографии.

Для XIV—XV вв. летописные сведения более обильны, особенно в части актового материала, но данные этих источников касаются главным образом церковных отношений.

Не богаты интересующими нас сведениями и византийские источники, и, кроме того, материал в них распределен очень неравномерно. Они достаточно полно освещают славянские вторжения на Балканский полуостров в VI в., а также сообщают немало ценных сведений о быте и нравах славян. Но затем наступает долгий перерыв, и только источники IX—X вв. снова начинают говорить о восточных славянах и Руси в связи с нападением Руси на Византию. Лев Диакон дает обстоятельное описание войны Святослава с Цимисхием, но о крещении Руси при Владимире не упоминает ни один византийский историк X—XI вв. Русско-византийские отношения XI—XII вв. тоже находят мало отражения в византийской исторической литературе. Только для палеологовского времени и византийские сведения становятся обширнее, но главным образом потому, что для этого периода и в Византии сохранилось значительно больше актового материала, посвященного церковным взаимоотношениям Руси и Византии.

Все историки древней Руси должны были в той или иной мере касаться русско-византийских отношений, говорить, например, о нападениях Руси на Константинополь, о русско-византийских договорах, о крещении Руси. Историография по вопросам древнерусской истории, так же как и истории Византии, очень значительна, но этого никак нельзя сказать относительно исторических работ, посвященных специально русско-византийским отношениям. Отсутствие достаточного количества источников несомненно сказалось на ограниченности литературы, посвященной этим вопросам.

Изучение русско-византийских отношений было начато в XVIII в. и прежде всего Василием Никитичем Татищевым (1686—1758) в его „Истории российской“. Он первый собрал и изучил древнерусские летописи